

листических разновидностей текста. Первое возможно так же, как и второе. Однако в стеммах, созданных по принципам механистической текстологии, мы наблюдаем только вторую разновидность истории текста.

Как можно установить наличие первой разновидности истории текста? Установить можно на основе общих стилистических явлений в двух идеологических редакциях. Обычно на эти стилистические общности обращается меньше внимания, чем на крупные расхождения. Однако текстолог должен объяснить весь текст, все расхождения, а не отдельные крупные. Нельзя устанавливать историю текста на основании выборочных разнотений между отдельными текстами. Текст должен быть исторически объяснен.

Конечно, излагая историю текста, вовсе не всегда нужно приводить все разнотения. Можно ограничиваться только иллюстрациями. Но для себя, «в лабораторных условиях», текст должен быть изучен целиком, безо всяких пропусков.

Если устанавливать редакции механистически, путем количественного подсчета разнотений, то стемма текстов в списках будет всегда строиться по одному принципу: сперва редакции, а потом виды текста, сперва крупные деления текста — потом мелкие. В реальной же истории текста оба типа взаимоотношений крупных делений текста и мелких возможны в одинаковой степени.

Задачи текстологии

Нет необходимости особо останавливаться на теоретических положениях критики текста в конце XVIII и в XIX в. По существу, критика текста не стала в XIX в. самостоятельной наукой. Задачи изучения текста ограничивались чисто практическими потребностями. Критика текста была подсобной дисциплиной, необходимой для издания документов и литературных памятников. Таково было начало многих наук: геометрии, которая нужна была первоначально как землемерие, астрономии, почвоведения и т. д.

Принципы критики текста в русской науке были сформулированы еще А. Шлецером. Он называл ее «малой критикой», или «kritikoy слов». Перед критикой летописи Нестора А. Шлецерставил такую конкретно задачу: «Что Нестор писал действительно? Ему ли принадлежит такое-то слово (иногда такая-то буква), такая-то строка, такое-то целое место? или переписчик, по невежеству, нерадению или высокому, испортил это слово, вставил или выпустил эту строку, это место? — Вот малая критика или критика слов»¹. Переписчики Нестора — «грубые невежды»². Чтобы отыскать правильное чтение, по Шлецеру, надо оценивать отдельные места по

¹ А. Шлецер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Шлецером. СПб., 1809. С. 396.

² Там же. С. 399.

«внутреннему достоинству», а чтобы открыть эти достойные места, надо сличать списки¹. А. Шлецер, первым выдвинувший принцип критического издания текста, писал: «Да не скажет никто, что я похитил себе честь быть первым издателем *Нестора*: я говорю только о критическом, учном, и скучном, истолкованном издании, которое могло бы представить сочинителя в его настоящем виде, очистив его от крупнейших ошибок, объяснить, где он темен, исправить, где ошибается»².

Взгляды А. Шлецера были взглядами не его личными. Так смотрели на задачи изучения текста и за пределами России³. Менялись отдельные приемы восстановления первоначального текста, постепенно отпали представления о переписчиках как о людях, только портивших текст по «невежеству» или «глупости», все более осознавалась необходимость не только «исправлять текст», но и изучать его историю, в частности для того же «исправления», но когда дело доходило до определения задач текстологии или критики текста — практическая задача издания текста заслоняла собой все остальные. Считалось, что изучение рукописей ограничивается «добычианием» текста памятника, наиболее близкого авторскому оригиналу (или «архетипу»)⁴, который должен быть положен в основу издания.

В известной мере то же определение задач текстологии, или иначе «kritiki teksta», находим мы и у проникновенного исследователя текстов, от которого в значительной мере пошли новые современные методы в текстологии памятников нового времени, — Б. В. Томашевского: «Решение вопроса о подлинности и соответствии документа во всех его частях тому, что он передает, называется критикой текста. Реальные результаты критики текста — устранение погрешностей документа, а потому в узком смысле критикой текста называют разыскание и установление ошибок документа и восстановление в подлинном виде переданного документом ошибочно»⁵.

Восстановление «подлинного» текста для его издания считают в основном целью изучения текста и западные филологи. Так, основные задачи текстологии были сформулированы Г. Постом следующим образом: «Вся наука критики текста состоит в том, чтобы из претендующего на подлинность текста реконструировать текст действительный, законный, подлинный»⁶. Задачу критики текста в определении текста для издания видит и крупнейший знаток греческих рукописей А. Дэн: «Непосредственная цель изучения рукописей, — пи-

¹ А. Шлецер. *Нестор*. С. 400.

² Там же. С. 4.

³ Сам А. Шлецер подчеркивал, что его приемы зависят от современной ему европейской «классической и библейской критики» (А. Шлецер. *Нестор*. С. XIII—XIV; Введение. С. 86, 411—416).

⁴ См.: С. А. Бугославский. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913. С. 1.

⁵ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959. С. 162.

⁶ H. J. Pos. *Kritische Studien über philologische Methode*. Heidelberg, 1923. S. 13.

шет А. Дэн, — издание текстов». Иных серьезных целей А. Дэн не видит: «Редки ученые, — я все же знал таких, — которые читают рукописи только ради удовольствия чтения. Еще более редки, по-видимому, — но есть и такие, — которые ходят в библиотеки для удовольствия рассматривать миниатюры лицевых рукописей. Настоящий ценитель сокровищ наших библиотек — филолог — издаст текстов». Больше того, А. Дэн утверждает: «Весь прогресс филологической науки связан с проблемой издания текстов»¹.

Текстология в основном и у нас, и на Западе определялась как «система филологических приемов» к изданию памятников и как «прикладная филология»². Поскольку для издания текста важен был только «первоначальный», «подлинный» текст, а все остальные этапы истории текста не представляли интереса, критика текста спешила перескочить через все этапы истории текста к тексту первоначальному, подлежащему изданию, и стремилась выработать различные «приемы», механические способы «добычи» этого первоначального текста, рассматривая все остальные его этапы как ошибочные и неподлинные, не представляющие интереса для исследователя. Поэтому очень часто исследование текста подменялось его «исправлением». Исследование велось в тех крайне недостаточных формах, которые необходимы были для «очищения» его от «ошибок», от позднейших изменений³. Если текстологу удавалось восстановить первоначальное чтение того или иного места, то остальное — история данного места, а иногда и текста в целом — его уже не интересовало. С этой точки зрения текстология

¹ A. Dain. *Les manuscrits*. Paris, 1949. P. 145.

² Б. В. Томашевский. Писатель и книга. С. 30 и 31. — Давая это традиционное определение задач текстологии, Б. В. Томашевский был тем не менее одним из первых, кто подчеркнул новые задачи, стоящие перед текстологией, — необходимость внимательно изучать историю текста (см. дальше).

³ «Самым общим вопросом, — пишет Г. Канторович, — который критика текста ставит перед собой, является вопрос “как установить правильность данного текста”» (K. Kantorowicz. *Einführung in die Textkritik. Systematische Darstellung der textkritischen Grundsätze für Philologen und Juristen*. Leipzig, 1921. — См. рецензию С. Н. Валка: *Архивное дело*, 1926, вып. VIII–IX. С. 168–180). Задачей критики текста А. С. Лаппо-Данилевский считает восстановление подлинного вида его текста — архетипа. А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «Критика текста, в сущности, изучает его историю со времени его возникновения и до того времени, когда он подвергается научному исследованию, с целью восстановить в подлинном виде испорченное его чтение... (разрядка моя. — Д. Л.). Итак, задача “критики текста” состоит в том, чтобы, по возможности, восстановить его подлинный вид в первоначальной его “чистоте”, что, разумеется, иногда сводится лишь к тому, чтобы возможно более приблизиться к ней» (А. С. Лаппо-Данилевский. *Методология истории*, ч. 1. *Теория исторического знания*. СПб., 1910. С. 579). «Критика текста, — пишет А. С. Лаппо-Данилевский, — характеризуется особого рода приемами: главнейшие из них состоят в принятии известного чтения, а в случае нужды и в его исправлении; такие операции можно соответственно назвать рецензией и эмендацией текста» (Там же. С. 580).

действительно практически оказывалась не наукой, а системой приемов к добыванию первоначального текста для его издания. Текстолог пытался достигнуть того или иного результата, «добыть» тот или иной текст без внимательного изучения всей истории текста произведения как единого целого.

Сперва издать — потом исследовать: таков, в основном, был принцип старого русского литературоведения XIX в.

Внимательно изучая общие тенденции, которые намечаются в текстологии за последние десятилетия, мы приходим к выводу, что текстология все более и более начинает рассматриваться как дисциплина, имеющая самостоятельные и очень крупные задачи. Эти задачи могут быть сформулированы следующим образом: текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего этого времени, пока изменялся текст памятника.

Только путем полного изучения истории текста памятника как единого целого, а не путем эпизодической критики отдельных мест может быть достигнуто и восстановление первоначального авторского текста памятника.

Вместе с тем для советских литературоведов-текстологов и историков-археографов представляется несомненным, что нельзя изучать изменения текста памятника в отрыве от его содержания (понимаемого в самом широком смысле, в частности, политических тенденций, художественного замысла и т. д.), а содержание — в отрыве от всей исторической обстановки в целом. В результате границы текстологического изучения памятников чрезвычайно расширяются, и требования к текстологии возрастают в той же мере.

Текстология в современном ее понимании возросла до пределов изучения истории текста отдельного памятника. Она стала важнейшей частью истории литературы в целом. Если история литературы занимается изучением процесса развития всей литературы, то текстология должна заниматься изучением процесса развития текста отдельных памятников. История текста дает те «составные элементы движения», из которых слагается история литературы¹.

Издание памятников — это только одно из практических применений текстологии.

Сперва полностью изучить историю текста памятника, а потом его критически издать (что не исключает отдельные предварительные публикации текста списков) — таков принцип, к которому постепенно приходят современные советские текстологи-медиевисты.

¹ Б. В. Томашевский пишет: «История текста (в широком смысле этого слова) дает историку литературы материал движения, который не лежит на поверхности литературы, а скрыт в лаборатории автора» (Б. В. Томашевский. Писатель и книга. С. 148). В древней русской литературе этот «материал движения» отнюдь не ограничивается «лабораторией автора» (она к тому же может быть обнаружена там в исключительно редких случаях), а, как уже было нами отмечено, охватывает изменения текста на протяжении нескольких веков.

Элементы такого рода нового понимания задач текстологии наметились уже давно. Однако только в последние десятилетия это отношение к текстологии получило прочную базу в последовательном применении принципа историзма, в стремлении текстологов рассматривать историю текста, не отрывая этой истории текста от исторической действительности, от общественно-политической жизни эпохи, от его авторов, редакторов, переписчиков.

Текстология становится наукой, преодолевая элементы механистического отношения к текстологическим вопросам. Она становится наукой потому, что вместо задачи публикации текстов на основе механической классификации списков и формального «очищения» текста от ошибок начинает заниматься изучением истории и текстов. Это изучение истории текстов сделало большие успехи, так как углубилось само понимание того, что следует подразумевать под историей текста. Под историей текста стала разуметься отнюдь не только генеалогия списков, лишенная подчас исторических объяснений, основанная на классификации списков только по их внешним признакам. История текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явила в известной мере историей их создателей и отчасти, как это мы увидим в дальнейшем, их читателей.

Только такое отношение к тексту оказалось способно преодолеть элементы механистичности этой дисциплины, превратить ее в самостоятельную историческую науку. Процесс превращения текстологии из суммы филологических приемов для издания памятников в самостоятельную науку далеко не закончен¹, поэтому в дальнейшем нам придется остановиться по преимуществу на отдельных сторонах этого процесса — процесса своеобразной «кристаллизации» науки.

Ускорить это становление текстологии как самостоятельной науки, учитывая все достижения в этой области старой русской филологии и филологии других стран, — одна из задач всей советской текстологии, в частности и той ее отрасли, которая занимается древнерусскими литературными памятниками².

¹ Представления о том, что история текста памятника есть история его искажения «переписчиками», свойственны иногда и современным советским исследователям. Так, В. И. Стрельский в книге «Основные принципы научной критики источников по истории СССР» (Киев, 1961) даже не ставит вопроса об изучении истории текста, рассматривая, вслед за старыми источниками, «внутреннюю» и «внешнюю» критику текста как «исправление» вкравшихся в него ошибок: «Древнейшие памятники много раз переписывались, редактировались, и при этом неумение прочитать некоторые места первоначальных записей приводило со стороны древних писчиков (так! — Д. Л.) к искажениям текста первичных записей» (С. 68).

² Согласие с моими взглядами на задачи текстологии выражает О. Кралик (*O. Králik. Od textové kritiky k textologii. — Listy filologické. 1962, гоč. 85. sv. 2*). Ср. также: *G. Thompson. Scientific Method in Textual Criticism. — Eitene, 1960, I, Praha. P. 51–60.*

В какой-то мере текстология уже сейчас может считаться совершеннолетней наукой, а не вспомогательной дисциплиной. Это можно заметить (а заметить совершеннолетие обычно нелегко вследствие некоторой инерции наших представлений) по косвенным признакам. К числу таких косвенных признаков относится и то обстоятельство, что текстология в настоящее время сама требует опоры в других вспомогательных дисциплинах. В первую очередь она требует хорошей постановки архивоведения, она требует хорошей организации научного описания рукописей в наших основных рукописных хранилищах и всемерной координации усилий ученых всех стран.

Изучение истории текста того или иного древнерусского памятника требует привлечения исчерпывающего числа списков и самого изучаемого памятника, и тех памятников, которые вступали с ним в литературное общение.

Если нет научных описаний рукописей, то это значит, что разыскание необходимых для того или иного изучения рукописей отдано на волю случая, это значит, что исследователи вынуждены параллельно и кустарновести одну и ту же работу, которая могла бы быть сделана раз и навсегда для всех сразу. Ученые, работающие без полного аппарата научных описаний с чрезвычайными затратами времени и труда, часто вознаграждают себя тем, что торопятся заняться теми или иными случайно найденными материалами, даже если они не относятся к области их специальных интересов, и публикуют документы, воздерживаясь предупреждать читателей, что не собрали всех списков издаваемого памятника.

Составление полных, детальных, развернутых научных описаний всех еще не описанных фондов, интенсификация работ в этой области — самая неотложная задача всех наших рукописных хранилищ. Без этого текстология не сможет развиваться даже при наличии самых прогрессивных методических приемов.

★

Одна общая тенденция может быть отмечена и у литературоведов, и у историков, занимающихся Древней Русью: все более и более стираются различия и перегородки между учеными, добывающими материал, и учеными, это материал изучающими. Подобно тому как археолог обязан в настоящее время быть историком, а историк досконально владеть археологическим материалом; подобно тому как источниковед становится все более и более историком, допускающим в своих работах широкие обобщения, — и в литературоведении созрела необходимость каждому текстологу быть одновременно широким историком литературы, а историку литературы неизменно изучать рукописи. Текстологическое исследование — это фундамент, на котором строится вся последующая литературоведческая работа. Как это будет ясно из дальнейшего, выводы, добытыес текстологическим ис-

следованием, очень часто опровергают самые широкие умозаключения литературоведов, сделанные ими без изучения рукописного материала, и в свою очередь приводят к новым интересным и досконально обоснованным историко-литературным обобщениям.

Представления о том, что текстологической работой можно добить только весьма узкие выводы, следует признать совершенно устаревшими. Напротив, непосредственное изучение рукописей, истории текста приводит сплошь да рядом к весьма важным выводам, зачастую меняющим наши представления по самым общим вопросам. К таким широким общеисторическим выводам приводит изучение истории текстов «Просветителя» (оно меняет наши представления о сущности обвинений против «жидовствующих»), «Сказания о князьях владимирских» (оно исправляет и уточняет наши представления об официальной политической теории Русского централизованного государства XVI в.) и т. д. Вместе с тем текстология позволяет ученому приобрести выводы личным трудом, лишает его права довольствоваться приблизительным, дает ясные представления о памятнике, об его истории, о том, как он воспринимался в свое время (проблема читательского восприятия памятника особенно интересна для литературоведа-медиевиста).

Текстология открывает широчайшие возможности изучить литературные школы, направления, идеальные движения, изменения в стиле, динамику творческого процесса¹ и оказывается арбитром в решении очень многих споров, которые вне изучения конкретной истории текстов могли бы тянуться без каких-либо определенных перспектив на их окончательное разрешение.

Итак, текстология зародилась как узко подсобная дисциплина, как сумма филологических приемов к изданию текстов. Первоначально казалось, что перед ней не стоит сложных задач, что вопросы взаимоотношения текстов могут быть решены несложными и единообразными приемами. Она развивалась обособленно, и казалось, что текстолог замкнут в решении своих узких задач. По мере углубления в задачи издания текста текстология, как уже отмечалось выше, все более и более вынуждена была заниматься изучением истории текста произведений. Она становилась наукой об истории текста произведений, а задача издания текста становилась только одним из ее практических применений.

¹ Этому вопросу посвящен мой доклад «Текстология и теоретические проблемы литературоведения», прочитанный на XI Всесоюзной пушкинской конференции в Ленинграде в мае 1959 г. См. также: Д. Лихачев. 1) Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения. — *Slavia*, 1958, гоč. XXVII. S. 4; 2) Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1955, № 5. С. 403–419; Б. С. Мейлах. Психология художественного творчества — Вопр. лит.. 1960, № 6. С. 71–72; L. Havránková. Sovětská textologie — věda mladá a podnětná. Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury, Praha, 1961, № V. S. 111–112.

Рост науки не упростил стоящих перед ней вопросов, а усложнил. При этом, становясь самостоятельной научной дисциплиной, текстология не только не оборвала своих связей с другими дисциплинами, но все более их увеличивала. Чем более ясным становилось, что текстология — не «сумма приемов», а самостоятельная наука с самостоятельным полем исследования и специфическими вопросами, тем более укреплялась связь ее с многими другими филологическими, историческими, литературоведческими дисциплинами. Теперь уже никто не назовет текстолога «узким ученым», а текстологию «узкой дисциплиной». Напротив, хороший текстолог обязан широко «охватывать» предмет своего изучения. Чем больше он привлекает данных из области палеографии, археографии, литературоведения, истории, искусствоведения и пр., — тем более убедительные выводы он получает, тем неопровергимее его построения. История текста не изолирована от общих проблем культуры и «человековедения» в целом. Умение сопоставлять, объединять явления, объяснять один ряд явлений другим, принадлежащим другой области изучения человека и человеческого общества, становится все более и более необходимым.

Среди текстологов существует издавний спор — текстология (или как ее долго называли — критика текста)¹ принадлежит науке или это искусство?² Одно время с распространением механических приемов решения сложнейших текстологических вопросов школы К. Лахмана и ее видоизменений казалось, что ответ найден в другой области: текстология — это ремесло³; настолько простыми представлялись тогда все текстологические приемы⁴. Сейчас мы можем сказать так: текстология — это наука, но методика рабо-

¹ Термин «текстология» впервые введен Б. В. Томашевским и быстро распространился среди литераторов благодаря его книге «Писатель и книга. Очерки текстологии» (1-е издание вышло в свет в 1928 г.). В качестве названия для самостоятельной науки термин «текстология» удобнее, чем термин «kritika teksta». Последний, впрочем, не исчез из употребления. Определившееся различие между терминами «текстология» и «kritika teksta» такое же, как между терминами «химия» и «химический анализ». В последнее время проявилась некая «дёформация» в употреблении термина «текстология». Стали говорить и писать «текстология Задонщины», «текстология Сказания» или какого-либо другого памятника древней письменности, разумея под этим результаты текстологического исследования того или иного памятника, а не само его исследование. Но это так же неправильно, как говорить «астрономия той или иной планеты», имея при этом в виду данные ее астрономического исследования.

² Искусством называет науку об издании текстов Эдмон Фараль: *E. Faral. À propos de l'édition des textes anciens. Le cas du manuscrit unique. — Recueil de travaux offerts à M. Clovis Brunel. Paris, 1955. P. 411.*

³ Или техника. См.: *O. Stählin. Editionstechnik. Ratschläge für die Anlage textkritischer Ausgaben. Berlin, 1909; 2. Aufl. 1914; Gustave Rudler. Les techniques de la critique et de l'histoire littéraire. Oxford, 1923.*

⁴ Об этом см. подробнее выше и статью: Д. Лихачев. Кризис современной зарубежной механистической текстологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1951, т. XX, вып. 4.

ты текстолога настолько усложнилась, что она стала для текстолога в известной мере и искусством. Однако текстология ни в коем случае не ремесло, которое позволило бы текстологу отъединиться в решении своих собственных задач. Текстологу приходится быть в курсе всех исторических наук применительно к изучаемой эпохе. Вот почему хороший текстолог — он и литературовед, и историк, и историк общественной мысли¹. От широты и разносторонности его знаний, от его умения охватывать факты и от искусства, с которым он применяет методические приемы изучения текста, зависит успех его исследований.

*

Творчество — процесс; восприятие творения — также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Автор создает произведение, внушая читателю представление о том, что читатель вместе с ним вновь проходит весь путь его творчества. Автор создает у читателя иллюзию творческого процесса. Читая произведение, читатель как бы участвует при создании произведения, оно разворачивается перед ним во времени. Конечно, на самом деле творческий процесс гораздо сложнее, чем он предстоит перед читателем в произведении, однако черновики, наброски, разные редакции произведения остаются за бортом произведения и не воспринимаются читателем. Творчество многочисленных средневековых «соавторов» — переписчиков, переделывателей, составителей сводов, компиляторов, редакторов текста — также не доходило до читателей, воспринимавших каждое произведение как создание цельное и законченное.

Читательское восприятие произведения отличается от научного тем, что в читательском восприятии автору оказывается полное доверие, автор ведет читателя по своей «последней авторской воле», — в научном же восприятии изучается реальный творческий процесс, текстолог пытается освободиться из-под гипноза «авторской воли» и восстановить историю текста из-под навязываемого ему автором его последнего результата. Исследова-

¹ То же постепенное превращение источниковедения в широкую историческую науку, а источниковедов в историков в собственном смысле этого слова отмечают и иностранные ученые. В заключение своей статьи, как один из ее выводов, А. Ларгидер пишет: «Мы становимся из дипломатистов историками; исключительно формальное отношение к материалу по рецептам дипломатики, хотя и оставалось естественной предпосылкой всех наших работ, все более перерастало в выходящее за пределы только издательских целей изучение всего активного материала: мы стали, так сказать, из дипломатистов историками» (*A. Largiadér. Neuere Richtungen im Bereich der Historischen Hilfswissenschaften. — Schweizer Beiträge zur Allgemeinen Geschichte. Берн, 1954. Bd 12. S. 194*).

тель стремится установить все этапы истории текста, и не только устать, но и объяснить их появление¹.

До той поры, пока мы знаем памятник только в его последнем варианте, лишенны возможности проследить движение текста, соотнести текст с явлениями личного развития автора и историческими фактами в целом — на интерпретация памятника всегда может быть субъективной, подчиненной автору и нашим собственным способам восприятия. Только изучив текст его движении (самостоятельном, соотнесенном с развитием автора, редакторов, переписчиков, с движением истории литературы и истории и т. д.) мы получаем объективные данные для суждения о нем, о его замысле, художественных тенденциях, идеологии, отразившейся в нем, и т. д. Без изучения истории текста, истории создания произведения мы не можем даже и уочно понять «последнюю волю автора».

Повторяя: текстология — основа истории литературы. История текста отдельного памятника в конечном счете дает огромный первичный материал для истории литературы в целом.

С. М. Бонди подчеркивает значение изучения истории текста произведения в текстологии. В статье «О чтении рукописей Пушкина» С. М. Бонди пишет: «Прежде всего может быть поставлен вопрос — для чего производится чтение рукописи, что хочет получить текстолог в результате этого чтения: окончательный ли текст документа для публикации или же варианты текста, т. е. зачеркнутые или вообще отмененные в процессе работы куки текста, или, наконец, его интересует самый процесс работы, последовательность истории создания данной рукописи? Первые два случая, в сущности, однородны: в обоих мы ищем только текста, связанных фраз и изолированных отрывков, отдельных слов; нас интересуют самые слова, содержание (или форма), независимо от истории их появления и уничтожения между тем как в последнем случае именно этот вопрос является основным. Итак, мы можем, в сущности, различать всего два случая: поиск текста (окончательного или вариантов) и исследование процесса работы автора над текстом»².

Несколько далее С. М. Бонди заявляет: «Можно было бы сказать, что изучение процесса создания рукописи, т. е. история создания произведения как специфическая задача, в сущности, выходит за пределы задач текстолога как такового; это совершенно особая, отдельная проблема, относящаяся

¹ Б. В. Томашевский писал: «Каждая стадия поэтического творчества есть сам по себе поэтический факт. Каждая реакция стихотворения отражает замысел поэта. Наличие различных, разновременных "исправлений" (вернее — "изменений") свидетельствует об художественной изменчивости поэта... Для науки нужны все редакции и все стадии творчества» (Б. В. Томашевский. Новое о Пушкине. — Альманах «Литературная мысль», 1. Пг., 1922. С. 172).

² С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. — Изв. АН СССР, ООН, 1937 № 2–3. С. 571.

к психологии творчества или т. п.; речь в текстологии должна идти о другом: о том, чтобы правильно и полно прочесть текст рукописи и при этом понять его, чтобы этим пониманием гарантировать себя от возможных ошибок чтения. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, даже ставя себе задачу лишь прочесть текст рукописи, все-таки совершенно невозможно отойти от проблемы истории создания рукописи. Наоборот, как будет показано дальше, обращение к этому вопросу в большинстве случаев совершенно обязательно¹.

Положение С. М. Бонди может быть подкреплено многочисленными соображениями на материале древнерусской литературы. Правильность его здесь особенно бесспорна. Проблема восстановления движения текста произведений обстоятельно рассматривается Б. В. Томашевским в книге «Писатель и книга» в главе «История текста и история литературы»².

Отмечая, что история текста восстанавливает творческий процесс, вскрывает элементы движения в тексте, изучает произведение как становящееся, Б. В. Томашевский пишет: «...историк литературы должен видеть в отдельном произведении не только его статическую форму (понимая это слово в широком значении), не только замкнутую в себе законченную систему — он должен прымешлять и угадывать в произведении следы движения»³. Говоря о различии наблюдений механика над совершающимся в настоящем времени движением и наблюдениями историка литературы над уже совершившимся в прошлом движением, Б. В. Томашевский отмечает: «Но ведь механик имеет возможность созерцать движение. Не довольствуясь двумя крайними положениями тела, он может наблюсти сколько угодно средних положений, т. е. он может “интерполировать” путем непосредственного наблюдения. Предметы изучения историка литературы являются оторванными друг от друга следами движения, отдельными “точками”, между которыми трудно “интерполировать”, трудно найти связывающие звенья, и поэтому трудно расположить линии эволюции, проходящие через эти точки. Вот эта чрезвычайная статичность литературных произведений как предметов наблюдения заставляла историков литературы постоянно искать методов, позволявших или умножить число предметов наблюдения (“интерполировать”) путем, например, изучения массовой литературы, “младшей”, дающей гораздо более широкий материал для сближения или сопоставлений, или в самих статических объектах вскрывать элементы динамики и кинематики. История создания и работы над произведением именно и дает этот материал. При изучении текста вскрывается уже не статическое явление, а литературный процесс его выработки и становления. Изучая замысел поэта, мы часто вскрываем связи, на первый взгляд неясные, между различными произведениями одного автора. Изучая его незавершенные планы и

¹ С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. С. 572–573.

² Б. В. Томашевский. Писатель и книга. С. 144–153.

³ Там же. С. 147.

черновики, мы часто находим те недостающие звенья эволюционной цепи, которые позволяют нам "интерполировать", заполнять промежутки между отдельными объектами наблюдения¹.

Все, что здесь сказано Б. В. Томашевским об истории текста произведений новой литературы, в еще большей мере касается произведений литературы древней, где история текста произведения не кончается в пределах творческих исканий одного автора, а захватывает творчество многих авторов, многих поколений редакторов и переписчиков текста, занимая иногда несколько столетий.

*

Свою школу текстологов создал в свое время акад. В. Н. Перетц. Ему же принадлежит единственное для дореволюционной науки краткое руководство по текстологии². Замечательной особенностью текстологической школы акад. В. Н. Перетца явилось требование изучать «литературную историю» памятника. В. Н. Перетц писал: «Для историка литературы важно путем изучения списков не только установить архетип памятника, но, проделав обратный путь, сравнивая архетип с вышедшими из него редакциями, — обнаружить судьбу памятника в зависимости от изменения вкусов и литературных интересов среды, в которых он вращался и подвергался новым обработкам»³. В. Н. Перетц отмечает, что стеммы списков важны не только для восстановления первоначального вида памятника, «но и для установления его литературной истории, которая для историка русской литературы имеет особое значение»⁴.

Указания В. Н. Перетца относительно необходимости изучать «литературную историю памятников» практически осуществлялись в целом ряде работ, вышедших из-под пера его самого и его многочисленных учеников.

Сходную идею высказал и Н. К. Пиксанов. В изучении новой русской литературы Н. К. Пиксанов предложил исследовать «творческую историю» произведения, заменив этим понятием более широкое понятие «литературной истории», предложенное В. Н. Перетцем. Н. К. Пиксанов указал, что

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. С. 147–148.

² В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучения. Методы. Источники. Корректурное издание на правах рукописи. Киев, 1914. С. 233–340 (§ 30. Источники. Евристика. Описание рукопией; § 31. Издание § 32. Критика текстов. Типы ошибок; § 33. Примеры критики текста; § 34. Изучение переводных памятников; § 35. Датировка памятника и определение его автора; § 36. Вопрос о подделке памятников; § 37. Приемы филологического метода; § 38. Итоги. Примерный путь исследования).

³ Там же. С. 338.

⁴ Там же. С. 337. (разрядка моя. — Д. Л.).

творческая история памятника дает основной материал для его понимания¹.

Но Н. К. Пиксанов объявил эту творческую теорию телеологической, целеустремленной, направляемой всегда единой волей автора. Н. К. Пиксанов пишет: «Признается, что художественные средства подчиняются поэтом художественному заданию, которое осуществляется художественным приемом или стилем. Понятие приема признается понятием телеологическим. Таким образом, для поэтики, кроме дескрипции и классификации, выдвигается третья задача: выявлять внутреннюю телеологию или мотивацию поэтических средств и их конечного результата, поэтического произведения. Для теоретиков поэзии привычно применить и здесь тот же прием, что и в описании и классификации, т. е. статарное изучение печатного, дефинитивного поэтического текста. Несомненно, что пристальное изучение такого текста, соотнесение его с другими произведениями того же автора, перекличка одинаковых примет и приемов на всем протяжении творчества поэта — все это может дать основания для угадывания художественной телеологии, для ее реконструкции исследователем. Но этот прием недостаточен, гадателен и сильно окрашен субъективностью. Случается, что поэт сам раскрыл свой замысел: в воспоминаниях, дневниках или признаниях современникам. Но это бывает редко, эпизодично, в большинстве случаев таких показаний нет, или они сами нуждаются в комментариях, как заявления Гоголя о "Ревизоре"; иногда же художник ревниво скрывает доказательства своих творческих процессов. У нас есть иной, надежный способ обнажения художественной телеологии: изучение текстуальной и творческой истории произведения по рукописным и печатным текстам»².

Возражая Н. К. Пиксанову, Б. В. Томашевский правильно писал: «В первую очередь такая постановка вопроса предполагает как основную предпосылку неизменность авторского намерения на всем протяжении создания произведения. Между тем этого как раз и нет. Самый материал творчества иной раз подсказывает новые художественные эффекты и заставляет автора изменить задание»³.

Далее Б. В. Томашевский приводит известный пример изменения замысла произведения в процессе его создания: в творческой истории «Евгения Онегина».

Вместе с тем Б. В. Томашевский делает тонкое наблюдение: «Внутренняя целеустремленность (телеология) художественного приема далеко не то, что личное намерение автора»⁴. Б. В. Томашевский пишет: «Целесообразность написанного не укладывается в рамки индивидуально-психологи-

¹ Н. К. Пиксанов. Новый путь литературной науки. Изучение творческой истории шедевра (принципы и методы). — Искусство, 1923, № 1.

² Там же. С. 103—104.

³ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. С. 150.

⁴ Там же. С. 151.

ческого анализа намерений писателей. Все писатели хорошо знают, что не всегда выходит то, что задумано. Писателя от неписателя отличает вовсе не способность "задаться", а способность в о п л о т и ть задание, его выразить¹. Но то, что пишет Б. В. Томашевский далее, правильно только отчасти: «Поэтому, — пишет Б. В. Томашевский, — вовсе не намерение автора и вовсе не тот путь, которым автор дошел до создания произведения, дают ему смысл. Здесь так же не важна индивидуальная психология автора, как и индивидуальная психология случайного читателя. Важно произведение как оно вышло, и его внутренняя целеустремленность познается в анализе того, что внушает это произведение идеальному читателю, т. е. обладающему всем, что необходимо для полного понимания. Произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому как не один человек, а эпоха творит исторические факты. Автор во многих отношениях является только орудием. В своем произведении он часто берет уже готовый материал, данный ему литературной традицией, и неизменно вдвигает его в свое произведение и лишь вокруг него творит свое, индивидуальное, т. е. характерное для него как для некоторой художественной личности. Внутренняяteleология такого перенесенного приема иной раз определяется совершенно помимо намерения автора»².

Обобщая все сказанное, Б. В. Томашевский замечает далее: «Важно не то, куда целит автор, а куда он попадает»³.

В противоположность Б. В. Томашевскому я считаю, что важно и то и другое: без первого, т. е. без изучения на м е р и й автора (пусть меняющихся) нельзя понять второе, т. е. творческий результат. Конечно, изучение одних намерений не может дать полного объяснения творческого результата, надо изучать еще и «эпоху», но нельзя согласиться с утверждением Б. В. Томашевского, что «произведение создает не один человек, а эпоха»⁴. Эпоха помимо человека ничего создать не может, эпоха действует через человека и его намерения, при этом на одних она влияет по-одному, а на других — по-другому, ибо само положение человека в эпохе различно. Не будем вдаваться в изложение общеизвестных истин. Скажем только, что отрицать целесообразность изучения «творческой истории» только на том основании, что намерения творца меняются в процессе этой творческой истории или что помимо намерений творца имеет значение и эпоха, — нет никаких оснований. Разумеется, история текста произведения должна включать в себя изучение истории целей автора и их изменений, а история целей автора должна строиться с учетом влияния идеологии автора.

И тем не менее понятие «творческой истории», как мне кажется, не должно заменять понятия истории текста. Дело в том, что история создания

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. С. 151—152.

² Там же. С. 152.

³ Там же.

⁴ Там же.

того или иного произведения включает в себя почти во всех случаях совсем не творческие моменты — давление цензуры, давление издателя, гонорарные соображения и различного рода случайности: пропажу рукописи, ошибки памяти, описки, механические пропуски и пр. Ни один автор не избавлен от вторжения в свой творческий процесс отнюдь не творческих моментов, и исследователь обязан изучать как творческие, так и нетворческие моменты истории текста произведения. Для того чтобы понять, «куда попал автор», надо изучать и то, как он целился, и то, каким было его «ружье», и всю сумму обстоятельств, оказавших воздействие на «полет пули».

К древней русской литературе понятие «творческой истории» применимо еще меньше, — и не только потому, что доля различного рода случайностей здесь возрастает бесконечно, но и потому, что у одного и того же произведения зачастую оказывается несколько авторов, а соавторами оказываются почти все переписчики. Но тем значительнее, тем важнее для изучения становится история текста произведения, ибо для правильного понимания идеиного и художественного содержания произведения изучение элементов случайности иногда не менее важно, чем изучение творческих намерений.

Итак, для древней русской литературы изучение истории текста произведения еще важнее, чем для литературы новой.

Вот почему нельзя признать правильным, особенно для древней русской литературы, отрицание права истории текста считаться отдельной научной дисциплиной, выведенное Б. В. Томашевским из его положения: «Важно не то, куда целит автор, а куда он попадает».

История текста произведения охватывает все вопросы изучения данного произведения. Только полное (или по возможности полное) изучение всех вопросов, связанных с произведением, может по-настоящему раскрыть нам историю текста произведения. Вместе с тем только история текста раскрывает нам произведение во всей его полноте. История текста произведения есть изучение произведения в аспекте его истории. Это исторический взгляд на произведение, изучение его в динамике, а не в статике. Произведение немыслимо вне его текста, а текст произведения не может быть изучен вне его истории. На основе истории текста произведений строятся история творчества данного писателя и история текста произведения (устанавливается историческая связь между историями текстов отдельных произведений), а на основе истории текстов и истории творчества писателей строится история литературы. Само собой разумеется, что история литературы далеко не исчерпывается историями текстов отдельных произведений, но они существенны, особенно в литературе древнерусской.

Это — историческая точка зрения, прямо противоположная механистической и статичной, игнорирующей историю и изучающей произведение в его данности. Но надо иметь в виду, что сам по себе исторический подход может допускать различные приемы истолкования текста, творчества, истории литературы.

Можно себе представить литературоведение, пытающееся строить историю литературы на основании изучения истории текста произведений, идущее от частного к общему (индуктивным методом), опирающееся на сознание изменяемости текста, но объясняющее все, исходя из особенностей биографии писателя или из особенностей его психологии (например, на основе психоанализа). В какой-то мере история текста произведений может служить для такого литературоведения основой, но это литературоведение будет бессильно построить историю литературы. Исторический подход неизбежно изменит этому литературоведению. Только литературоведение, опирающееся на понимание творчества писателя как исторически обусловленного, способно дать первичное объяснение истории текста. Изучение же истории текста вне его объяснений невозможно. Нельзя изучать историю текста «летописно», регистрируя лишь изменения. Этот подход к тексту будет так же по существу антиисторичен, как и откровенно статический и статистический. История не есть сумма фактов, а история текста не есть сумма вариантов текста.

*

Итак, история текста произведения не может сводиться к простой регистрации изменений. Изменения текста должны быть объяснены. При этом регистрация изменений текста и их объяснение — не два различных этапа исследования, а один взаимосвязанный ряд. Факты без их объяснения — не факты. Теоретически регистрация фактов должна, казалось бы, предшествовать их объяснению, но в практической работе текстолога регистрация и объяснение идут параллельно, так как увидеть факт часто бывает возможно только под определенным углом зрения, — в свете его объяснения. Всякий взгляд, открывающий факт, открывает его с определенной точки зрения. Рассеянного зрения не существует. Факт отражения в тексте той или иной идеологии может быть вскрыт только тогда, когда мы уже в известных пределах знакомы с этой идеологией. Факт отражения в памятнике классовой борьбы может быть вскрыт только тогда, когда исследователь знаком с тем, что представляет собой классовая борьба на данном этапе исторического развития. И т. д.

Изучая внешнюю сторону факта во всех ее деталях, мы подготовляем конкретное его объяснение, и оно будет тем конкретнее, чем детальнее зафиксирован факт, но, с другой стороны, само объяснение факта позволяет глубже заглянуть во все детали факта. Текстолог — следопыт. Он должен стремиться как можно детальнее видеть факт, принимая во внимание каждую мелочь в свете возможного его объяснения. В текстологии вполне применимо правило всякой расследовательской деятельности: «Чем бессмыслинее и смешнее инцидент, тем старательнее надо его исследовать. И то

обстоятельство, которое кажется осложняющим дело, иногда бросает на все яркое освещение, если его разобрать и обработать»¹.

Когда мы говорим об объяснении фактов изменения текста произведения, мы не должны предполагать, что существует узко текстологическое объяснение этих фактов и что речь идет именно об этом узко текстологическом объяснении.

Объяснения берутся из всех областей науки, изучающей деятельность человека. Эти объяснения могут быть историческими, литературоведческими, психологическими, могут быть связанными с историей общественных идей и историей техники (техники письма, переплета, книгопечатания, распространения книг и пр.), с историей общественных формаций и историей искусств и т. д.

Исследование текстов памятников древнерусской литературы ясно показывает, что нельзя вести текстологическое изучение без отчетливого представления о литературной стороне памятника — о его жанре, стиле, идейной стороне, целях, для которых создавался памятник или его редакции, художественном методе его создателей и пр., и пр.

История памятника, воспринимаемая в этом широком аспекте, выступает перед нами как история людей, его создававших, как отражение истории всего общества.

Чтобы восстанавливать историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. Текстология требует на современном этапе ее развития всесторонних знаний, и в этом ее исключительная трудность.

Конкретная жизнь памятника не может быть вскрыта механическими схемами и подсчетами, поэтому чтобы полностью восстановить историю текста, надо войти в историческую обстановку, детально знать исторические события, детально знать факты классовой и в особенности внутриклассовой борьбы. Последняя особенно важна в древнерусской литературе (поскольку литературные памятники Древней Руси XI—XVI вв. по большей части живут среди одного только класса — феодалов; только в XVII в. начинается массовый «выход» литературы за пределы класса феодалов)². Текстолог должен вникнуть в психологию переписчика, ясно понимать причины ошибок писца, но в еще большей мере он должен знать его идейный строй, его идеологию, идеологию «заказчика» рукописи и т. д.

На всем пути истории текста произведения стоят люди с их интересами, взглядами, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, обра-

¹ А. Конан-Дойль. Баскервильская собака. Пг., 1916. С. 162.

² См.: В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подгот. текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.

зования. Из этих людей наиболее важен для нас автор (если он, конечно есть), но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника.

Само собой разумеется, что полное восстановление истории текста памятника, распространенного в свое время во многих списках, по большей части невозможно, поскольку нельзя быть уверенным, что нам известны все его списки и точно восстановлены все не дошедшие до нас этапы его развития, но это не исключает необходимости в научном исследовании стремиться к восстановлению именно полной и конкретной истории памятника — как максимальной задачи текстолога.

Хорошо сформулированы были задачи текстолога, работающего над рукописями автора нового времени, С. М. Бонди в его статье «О чтении рукописей Пушкина». С. М. Бонди пишет, что главная задача текстолога «все понять в рукописи, осмыслить ее форму». Работая над рукописями автора, мы «повторяем вслед за автором весь ход его работы, воспроизводим в своем сознании все варианты, придуманные автором (и отброшенные им), и именно в той последовательности, в которой они придумывались и отбрасывались, для нас становится яснее смысл всех его поправок, мы начинаем как бы изнутри видеть весь текст, понимая его в его становлении, и потому это понимание легко подсказывает нам и расшифровку вовсе неразборчивого слова, и простое и естественное заполнение недописанного второпях автором»¹.

С. М. Бонди пишет применительно к черновикам Пушкина: «...задача текстолога, читающего рукопись, в том случае, если перед ним беловик, — просто прочесть его текст (или два текста, если беловик переправленный); если же черновик — то развернуть его во времени, найти последовательность в создании и уничтожении его текста и установить тот текст, на котором остановилась работа автора в данной рукописи»².

«Последовательность работы текстолога должна быть такая: сначала он должен установить историю создания текста на черновике, а затем уже на основании этой истории (поскольку ее возможно установить) прийти к последнему тексту и взять его за основной (если он законченный) или одну из более ранних стадий (законченную), если последние поправки в рукописи не доведены до конца»³.

Как видим, и при изучении черновиков писателя основное — это изучение истории текста. Выбор же текста для издания — это дело второе (но, может быть, не по важности для издания), и этот выбор может быть мотиви-

¹ С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. С. 585.

² С. М. Бонди. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. Изд. 2-е. М., 1978. С. 157.

³ Там же.

рован по-разному. То это текст последний в данном творческом процессе, то первый. Мы можем руководствоваться «последней волей автора», «последней творческой волей автора» (что не одно и то же), «последней волей автора» при создании данного произведения, в данном черновике, или, наоборот, первой волей автора (если последняя в черновике не дает законченного текста). В случае переработок произведения автором их спустя некоторое время (под влиянием других, изменившихся его представлений, другого мировоззрения — например, выработавшегося в эмиграции), в случаях переработок его произведений посторонним лицом, с которыми он вынужден был согласиться или согласился по создавшемуся у автора безразличию к своему произведению, — мы можем не согласиться с последним вариантом произведения, пренебречь им. Одним словом — все зависит (и в выборе текста) от изучения творческой и нетворческой (включающей случайные причины) истории текста.

Таким образом, история текста произведения диктует нам выбор текста для издания. При этом мы можем заметить одно принципиально важное различие между выбором текста средневекового произведения и выбором текста автора нового времени, вернее — между произведением личностного творчества и произведением коллективного средневекового творчества.

Если до нас дошли авторские рукописи и варианты произведения, мы обязаны в первую очередь считаться с этими авторскими текстами, выбирать текст для издания среди них, предварительно изучив по возможности (в доступных исследователю пределах) историю авторского прижизненного текста.

Если до нас (как это бывает в средние века) текст изменялся многими десятилетиями и столетиями, а авторский текст неизвестен, то мы обязаны выбирать текст среди многих древнейших и последующих, иногда предлагая читателям несколько текстов одновременно: и первую редакцию (или то, что мы будем считать первой), и последующие. Причем первая редакция — не обязательно авторская, а архетип дошедших до нас редакций или одной какой-либо редакции — не обязательно «первый текст». Все дошедшие до нас тексты средневекового произведения могут восходить к одному архетипу, но этот гипотетически восстанавливаемый текстологом архетип — не обязательно первый текст данной редакции, не обязательно авторский текст. Все списки могут восходить по разным причинам ко вторичному тексту, и его мы все же будем считать архетипом.

Даже установив наличие древнейших текстов, мы не всегда обязаны считать этот текст «лучшим». Так, например, было с текстами Повестей о Николе Заразском. Повесть эта возникла где-то в конце XIII в., а затем изменилась иросла. Лучший свой вид эта повесть в результате коллективного творчества многих авторов приобрела на грани XIV и XV вв., когда в нее были включены и плач Ингваря Ингваревича, и рассказ о Евпатии Коловрате. Для широкого читателя следует издавать именно этот относительно поздний, дошедший до нас в рукописях XVI—XVII вв., а отнюдь не авторский

вариант. Такого случая не бывает в новое время, с произведениями литературы XVIII–XIX вв. Однако в средние века бывают случаи, когда мы обязаны стремиться давать читателю именно авторские тексты (тексты Максима Грека, Ивана Грозного, Аввакума, Симеона Полоцкого и пр.), а не их переработки.

Задача текстолога заключается в том, чтобы по возможности во всех деталях воспроизвести ход работы автора над произведением, восстановить в воображении весь творческий процесс. Эта сложная задача, выдвигаемая по отношению к текстологическим исследованиям произведений нового времени, становится еще более сложной по отношению к произведениям русского средневековья, где был не один автор произведения, где «творческий процесс», в котором участвовали редакторы, переписчики и читатели, дополнявшие текст своими поправками, и который был осложнен случайными обстоятельствами (утратами и искажениями), длился иногда многие столетия. Текстолог, изучающий средневековые произведения, обязан с возможно большей конкретностью понять историю текста произведения, его редакции.

Текстолог древнерусских литературных произведений обязан пройти по следам всей истории текста, воспроизвести в своем воображении (но не фантазии) по возможности весь ход его переработок.

*

Мы уже коснулись выше вопроса о различиях между текстологией древнерусских литературных произведений и текстологией новых. Эти различия связаны с различием самого материала изучения.

История текста литературного произведения нового времени изучается главным образом на материале черновиков. Черновики представляют нам текст в процессе его создания, они закрепляют отдельные точки движения текста. Черновик — это рукопись, создаваемая в процессе работы¹ и отражающая иногда несколько этапов в движении текста. Этим чрезвычайно облегчается изучение процесса создания произведения.

Древнерусские литературные произведения представлены почти только беловиками², т. е. рукописями с законченным текстом, — предназначенные для чтения, они отражают конечный результат работы. Этих конечных результатов иногда по тому или иному произведению могут быть сотни. Перед нами, следовательно, не сплошная линия развития произведения, а как бы пунктирная с гораздо большими расстояниями между отдельными точками, чем в черновых вариантах произведений нового времени.

¹ См. об этом: С. М. Бонди. Черновики Пушкина. С. 573.

² Черновики в древнерусской письменности сохранились только от деловых документов и от произведений XVII в. (например, Аввакума).

Древнерусская рукопись, как беловик в отличие от черновиков, сохранившихся от писателей нового времени, есть в гораздо большей степени «документ статический» (пользуюсь выражением С. М. Бонди).

Древнерусская рукопись по большей части представляет один текст, и только в том редком случае, когда она правлена самим писцом или кем-то другим, мы можем предполагать в ней два и больше текстов. Но зато древнерусское произведение изменяется в дальнейшем — при переписке, редактировании, переделке, включении в своды и компилиации.

В литературе нового времени история текста произведения — это история его создания автором. В литературе древней авторский текст, по-видимому, создавался так же, как и в новой, но материалов от процесса авторской работы в ней не сохранялось. Зато история текста не ограничивалась авторской стадией; произведение продолжало твориться и после того, как оно вышло из-под пера автора. Древнерусское творчество было по преимуществу коллективным, и оно часто длилось десятки и сотни лет.

Если история текста литературного произведения нового времени после смерти автора сводится по преимуществу к истории его печатных воспроизведений, в которых изрядную долю занимают простые искажения, то в литературе древней наиболее распространенные тексты были как раз не авторскими, а созданными в последующее время.

Текстолога, занимающегося русской литературой нового времени, в подавляющем большинстве случаев интересуют в первую очередь рукописи самого автора и только прижизненные издания его сочинений; все остальные рукописи и издания изучаемого им произведения будут его интересовать постольку, поскольку они отражают этот первопечатный авторский текст или один из его вариантов и поскольку в них можно угадать «авторскую волю»¹.

Текстолога-медиевиста интересует вся литературная история изучаемого памятника, от его зарождения и до того времени, пока он перестает читаться и переписываться. Эта литературная история памятника обнимает иногда много столетий (есть памятники, которые читались и переписывались в течение полутысячелетия, например: жития Бориса и Глеба, Киево-Печерский патерик и т. д.). Авторский же текст в подавляющем большинстве случаев для медиевиста недоступен и невосстановим.

В процессе своего бытования памятники древней русской литературы бесконечное количество раз переписывались, переделывались, сокращались или разрастались вставками, осложнялись заимствованиями, вступали в состав компилиаций, перерабатывались стилистически и идеально. Некоторые из памятников почти забывались, потом снова вызывали читательский интерес после значительных перерывов, перерабатывались и становились

¹ См. тезисы доклада В. С. Нечаевой «Установление канонических текстов литературных произведений» (Совещание по вопросам текстологии. Тезисы докладов. М., 1954).

особенно распространеными именно в этих переделках, а отнюдь не в «авторском» тексте. Вся эта жизнь памятника не может не интересовать литературоведа-медиевиста, поскольку она отражает историю идеологии, литературных вкусов, характеризует действенное значение памятника, а иногда как бы в миниатюре рисует историко-литературный процесс за несколько столетий. Текстологу-медиевисту приходится иметь дело с десятками, а иногда и сотнями рукописей изучаемого произведения, предполагать существование в прошлом исчезнувших впоследствии отдельных списков памятника, а очень часто и целых его редакций. Ясно, что текстолог-медиевист в основном стоит лицом к лицу с иными задачами, чем текстолог, занимающийся литературой нового времени.

Необходимо, однако, отметить, что почти все текстологические особенности литературы древней могут иметь место и в литературе новой. Различие главным образом в том, что некоторые явления жизни текста преобладают в литературе древней, а другие — в новой.

В самом деле, история литературы XVIII и XIX вв. также знает случаи, когда произведение подвергается многочисленным переделкам уже после смерти автора — в руках редакторов. Интересный пример приводит П. Н. Берков в статье «К истории текста "Громвала" Г. П. Каменева»¹. «Громвал» несколько раз переделывался его издателями, стремившимися приноровить его к новым эстетическим требованиям. Среди последних редакций этого произведения была и «переделка» В. А. Жуковского.

Приведу примеры «жизни» текста литературных произведений нового времени, продолжавшейся за пределами авторского творчества. Вот, например, некоторые сведения к истории текста романа Фурманова «Чапаев». Первый (наборный) экземпляр рукописи не сохранился, не сохранились и корректуры первого издания романа (1923). Сравнение же второго экземпляра машинописи авторского текста, почти не правленного самим Фурмановым, но по его санкции подписанного к печати его редактором П. Н. Лепешинским, и печатного текста показывает, что ряд явных искажений, допущенных машинисткой (вплоть до случайного пропуска целой страницы рукописи!), не был замечен ни автором, ни редактором и перешел во все последующие издания. Но главное, в связи с отличиями печатного текста и от рукописи, и от второго экземпляра машинописи, теперь невозможно установить применительно ко всем разнотениям, кто исправлял и сокращал текст — Дм. Фурманов или редактор П. Н. Лепешинский. Правда, есть запись Фурманова в его дневнике под 16 февраля 1923 г., что П. Н. Лепешинский вычеркнул два определенных эпизода, но кто изъял другие важные части, например, эпизод с дифирамбом Фрунзе или большое и яркое посвящение романа героям Гражданской войны, — пока неизвестно.

Другой случай «послеавторской» жизни текста с тем же романом Дм. Фурманова. Фурманов, подготовляя четвертое издание «Чапаева» (оно вышло уже после смерти автора — в 1926 г.), сделал важное примечание: «У жи-

¹ Изв. АН СССР, ООН, 1934, № 1.

вых — имена чужие, у погибших — свои». Вдова Дм. Фурманова в шестом издании «Чапаева» (1928) нарушила это правило автора и, сохранив нетронутым примечание Дм. Фурманова (оно было впервые снято лишь в издании 1936 г.), самовольно исправила ряд «живых имен», в том числе и «Зоя Павловна» (т. е. свое собственное имя и отчество) со сноской-примечанием: «Жена Дмитрия Фурманова». Однако имя Клычкова она сохранила в романе, ограничившись лишь сноской-примечанием: «Дмитрий Фурманов»¹.

Тем не менее количественное различие между литературой древней и новой в отношении типов изменения текста, преобладание в древней литературе последующих изменений текста над доступными для наблюдения авторскими создают значительное различие в удельном весе текстологических исследований «последжизненных» текстов. В литературе древней они занимают исключительно большое место и имеют громадное историко-литературное значение.

Талантливый, рано умерший исследователь древней русской литературы А. Д. Седельников писал: «...для древней русской литературы создавалась методология своеобразная, с перенесением зачастую центра тяжести исследования в область предварительных работ. Насколько историк новой русской литературы способен уклоняться в критику от своей прямой исследовательской задачи, что объясняется близостью,озвучностью материала ему самому, настолько же понятно, если в истории древней литературы доминирует, и иногда слишком доминирует, филолог. Перед историком древней литературы стоят ранее остальных вопросы, отсутствующие обычно, потому что тут они редко сохраняют характер "вопросов", при исследованиях в области новой литературы: о первоначальном тексте памятника, о времени и месте его возникновения, и т. п. Взамен возможности сразу с помощью заявления автора, или его окружающих, или вообще современников определить основную редакцию, приходится, при наличии нескольких, искать ее; при недостатке же материала для сопоставлений — довольствоваться внутренним анализом того, что дошло более или менее случайно. Если имеется заявление автора, оно еще подлежит сначала критической оценке, причем опять работа над текстуальными признаками выдвигается на первый план. По отношению к времени памятника остаются в силе те же, подчас весьма косвенные, соображения, хронологизация нередко расплывается на целое столетие, базируясь, тоже нередко, на чертах языка, далеко не всегда ярко выраженных в силу подверженности подновлению при переписках. Древность языка, которая служит, казалось бы, прочным методологическим ручательством (язык могли подновлять, но архаизировать не было, по-видимому, ни смысла, ни тем более умения), оказывается подчас ковар-

¹ Сведения взяты из статьи: Е. И. Прохоров. «Чапаев» Д. А. Фурманова (История текста романа). — В кн: Текстология произведений советской литературы. Вопросы текстологии, вып. 4. М., 1967. С. 13—79. — В том же издании много и других примеров «жизни» текста произведений после смерти их авторов. Примеры указаны мне А. Л. Гришуниным.

ной, так как может принадлежать древним источникам автора, а не автору при манере компилировать большими купюрами эта древность языка может охватывать памятник весь или почти весь. Даже присутствие имени русского автора, встречаясь на общем анонимно-псевдонимном поле зрения, не только не спасает непременно от ошибки, но самостоятельно способно вызвать ошибку. До какой степени оно гипнотизирует, в смысле желания использовать имя, отвести памятнику определенное историческое место, видно из тех случаев, когда именем, известным по другому памятнику, пользуются для того, чтобы тому же автору усвоить еще какой-либо, сомнительный»¹.

★

Требования, предъявляемые в настоящее время советской медиевистикой к текстологическому изучению рукописей, исходят из особенностей средневековой рукописной традиции. Они учитывают характер бытования рукописей, особенности их переписки и переработок в Древней Руси.

За каждым произведением и за каждой рукописью исследователь обязан видеть жизнь, их породившую, обязан видеть реальных людей: авторов и соавторов, переписчиков, переделывателей, составителей летописных сводов. Исследователь обязан вскрывать их намерения, явные, а иногда и «тайные», учитывать их психологию, их идеи, их представления о литературе и литературном языке, о жанре переписываемых ими произведений и т. д.

Текстолог обязан быть историком в самом широком смысле этого слова и историком текста в особенности. Ни в коем случае нельзя делать практических выводов (для издания текста, для его реконструкции, для классификации его списков и т. д.) раньше, чем не исчерпаны все возможности для установления конкретной картины того, как текст реально изменялся, кем изменялся и для чего, в каких исторических условиях создавался авторский текст и производились его переработки последующими редакторами.

Исторический подход к вопросам текстологии отнюдь не отменяет необходимости внешней классификации списков, необходимости вычерчивания стемм, но и не служит одним только историческим пояснением к тому, что добыто на основании только внешних признаков. В последнем случае роль исторического подхода к вопросам текстологии ограничивалась бы своеобразной комментаторской задачей, самая же методика текстологической работы, на первом этапе изучения текста во всяком случае, оставалась бы прежней. На самом деле исторический подход должен пронизывать всю методику анализа списков. Изменение и различие в тексте должны учитываться сообразно тому значению, которое они имели, а не по количественному признаку. Различия в результатах обоих подходов бывают очень велики.

¹ А. Д. Седельников. Несколько проблем по изучению древней русской литературы. Методологические наблюдения. — Slavia, 1929, гоč. VIII, seš. 3.

Так, например, если разделить списки «Сказания о князьях владимирских» по внешним признакам, без анализа происхождения различий, то мы неизбежно придем к выводу, что отдельных редакций «Сказания» выделять не следует, поскольку различия между списками внешне весьма невелики; однако если анализировать историю текста списков «Сказания» в тесной связи с исторической действительностью, в составе всей рукописной традиции, то окажется, что внешне незначительные изменения в списках делят их совершенно отчетливо на две редакции, каждая из которых имела вполне определенную и строго очерченную политическую функцию¹.

Следовательно, исторический подход отнюдь не освобождает текстолога от кропотливого сличения списков, выявления внешних различий, составления генеалогических таблиц (или стемм), но он требует, чтобы работа текстолога этим не ограничивалась. Он налагает на текстолога дополнительные обязанности — постоянно стремиться к конкретному историческому пониманию всего того, что он обнаружил в результате первого, пока что чисто «внешнего» этапа своей работы, и строить свои окончательные выводы, рисуя картину реальной, «объясненной» жизни памятника.

Достичь такого положения, чтобы текстология во всех случаях выясняла те побудительные причины, которые двигали составителями новых редакций памятника, или чтобы во всех случаях удавалось до конца объяснить все движение текста, конечно, непросто. Речь идет только о том, что к этому необходимо стремиться, что текстолог обязан принять все меры к тому, чтобы вскрыть реальное, понятное для нас, исторически объясненное движение текста, а не только построить схему внешнего взаимоотношения редакций и списков, так как эта схема в ряде случаев не только может оказаться недостаточной, но и неверной. Конечно, есть немало случаев, когда из-за недостатка материала приходится ограничиваться этим или когда на первый план в изменениях текста выступают причины случайные, например: утрата отдельных частей списков, которыми пользовался переписчик, неграмотность писца, технические условия его работы, непонимание им языка оригинала и т. д.

Само собой разумеется, что мы остались бы только в пределах прекраснодушных мечтаний, если бы на помощь такой задаче не пришли бы некоторые методические приемы работы, плодотворность которых все более и более осознается советской текстологией.

Превращению текстологии в самостоятельную науку значительно способствовал ряд новых принципов, выдвинутых в свое время лучшими представителями старой русской филологии, занимавшимися изучением наиболее сложных с точки зрения текстологии памятников древнерусской лите-

¹ См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

ратуры: летописей, хронографов, различных типов палеи и т. д. Издание текстов этих произведений потребовало предварительного изучения многих десятков и сотен списков, потребовало предварительного исследования взаимоотношения отдельных памятников между собою, их сложного компилятивного состава, их политических тенденций, стилистических особенностей и т. д. Стало совершенно ясным, что если издание памятника по одному или немногим спискам могло быть осуществлено без их предварительного всестороннего изучения, то изданию летописей, хронографов, различных типов палеи и памятников, обычно включаемых в их состав (как, например, «Александрии», отдельных исторических повестей), должно было быть предписано их полное текстологическое изучение.

Сложность текстологического анализа этих типов произведений потребовала новых методических приемов изучения, оказавшихся особенно плодотворными. В частности, именно на материале летописей и хронографов впервые была осознана мысль, что нельзя изучать отдельные части больших произведений — вне целого, вне сводов, компиляций, сборников. Этот принцип комплексности изучения, в сущности, не был нов — новым было то широкое понимание, которое вложил в него А. А. Шахматов, и та глубина, с которой он осуществил его в своих исследованиях.

Принцип комплексности изучения очень труден для применения, поэтому практически текстологи очень часто его обходили, о нем забывали. И в самом деле, трудность текстологического анализа возрастает с увеличением объема анализируемого произведения почти в квадратной прогрессии. Вот почему текстолог всегда озабочен тем, чтобы ограничить объем изучаемого произведения, и в этом ограничении нередко допускает анализ частей произведения вне целого или изымает произведение из включающего его цикла. Особенно это относится к работам, посвященным летописанию и хронографии. Здесь соблазн заняться одной какой-либо «летописной повестью» вне всего состава включивших ее летописных сводов всегда был особенно велик.

А. А. Шахматов в рецензии на работу И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» основательно доказал полную научную несостоятельность анализа летописных текстов по частям, попыток механически разорвать летописный текст на ряд повестей, статей, сказаний и т. п.¹

Сам А. А. Шахматов в своей работе текстолога неуклонно проводил свой взгляд на летопись как на цельное произведение, которое ни в коем случае нельзя анализировать по эпизодам. Больше того, А. А. Шахматов убедительно показал, что нельзя исследовать одну какую-либо летопись вне истории всего летописания. Особенно определенно этот взгляд сказался в работах А. А. Шахматова, посвященных «Повести временных лет». В сущности, в центре всей исследовательской работы А. А. Шахматова по летописанию начиная со времени подготовки его к магистерским экзаменам (1887–1890) и первых пробных лекций (в 1890 г.) стояло одно произведение — «Повесть вре-

¹ Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899.

менных лет». Но даже этот относительно цельный, крупный и самостоятельный памятник А. А. Шахматов никогда не пытался анализировать сам по себе, вне состава включивших его летописных сводов. Вот почему работа А. А. Шахматова над «Повестью временных лет» превратилась в исследование истории русского летописания XI–XV вв., которым он и занимался всю жизнь.

Принцип изучения текста в составе включающего его произведения, в составе цикла и всего рукописного окружения дал особенно плодотворные результаты в последнее время в связи с общим методологическим принципом советской текстологии и советского источниковедения: изучать изменения текста памятников не только по их внешним признакам, но и в связи с изменением содержания памятников — их идейной направленности.

Принципы, примененные А. А. Шахматовым к летописанию, в общем, но только с меньшей последовательностью, применялись В. М. Истриным, К. К. Истоминым и другими к хронографии.

В целом это был определенный этап в развитии текстологических исследований, явившийся огромным шагом вперед в историко-литературных исследованиях.

Методика исследований А. А. Шахматова и В. М. Истрина получила, однако, применение на материале всех видов литературных памятников очень нескоро. Текстологическое изучение житийного материала (например, житий Александра Невского В. Мансиккой)¹, повестей и посланий продолжало производиться еще старыми приемами. Эти старые приемы получили даже, уже после появления основных работ А. А. Шахматова, свое обоснование в небольшой брошюре С. А. Бугославского «Несколько замечаний к теории и практике критики текста» (Чернигов, 1913).

Методические приемы, которые были введены А. А. Шахматовым и В. М. Истриным, оказались очень плодотворными. Научные традиции именно этой группы ученых были наиболее прогрессивными². Лучшие приемы их

¹ В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913.

² Как недоразумение, вызванное, очевидно, недостаточным знанием, можно рассматривать заявление В. И. Стрельского, что А. А. Шахматов «рассматривал документы» «формально, сравнивая родственные списки документов, определяя сумму разнотений, восходящих к протографу сравниваемых списков, и т. д.» (Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Изд. Киевского университета, 1961. С. 52). Перед тем В. И. Стрельский вопреки очевидности заявляет, что «защита неокантианской теории в интерпретации источников ярко проявилась (разрядка моя. — Д. Л.) в работах Н. И. Костомарова, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского и др.» (Там же). Нет никаких намеков в обширном изданном и неизданном наследии А. А. Шахматова на то, что А. А. Шахматов интересовался или был знаком с неокантианством. Что же касается Н. И. Костомарова, то он работал до возникновения неокантианства, только А. С. Лаппо-Данилевский заявлял о своем неокантианстве.

исследований были применены к самому разнообразному материалу — не только летописному и хронографическому, но и к повествовательному, к церковно-учительному, к дипломатическому и даже, в самое последнее время, к материалу отнюдь не литературному — актовому.

Упомянутые выше приемы получили полную поддержку, нашли себе опору в общих методологических принципах советской науки. Они сыграли большую роль в преодолении механических и формалистических приемов старой методики подготовки текстов к печати, приемов, которые в основном устанавливались «правилами издания» и «инструкциями», а не существом истории текста изучаемого произведения.

Мысль А. А. Шахматова, что нельзя изучать историю текста той или иной части летописи вне всей летописи в целом, а историю текста летописи отрывать от истории летописания, от истории текста связанных с изучаемой летописью других летописных памятников, можно считать полностью себя оправдавшей, приведшей к чрезвычайно ценным результатам и позволившей даже восстанавливать утраченные тексты. Подобно тому как А. А. Шахматов все свои исследования по летописанию концентрировал вокруг «Повести временных лет»¹, стремясь восстановить историю текста этого памятника², его последователь М. Д. Приселков занимался по преимуществу историей русского летописания XIV—XV вв., создал «Историю русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940), но никогда не упускал из виду основную свою задачу — восстановление утраченного текста сгоревшей в московском пожаре ценнейшей рукописи — Троицкой летописи начала XV в. Эта задача и была им осуществлена после нескольких десятков лет работы. Изданная после его смерти реконструкция «Троицкой летописи»³ стала как одно из самых удивительных достижений филологической науки — это почти «чудо», о котором мы и не могли бы мечтать, если бы методика изучения летописных текстов не сделала таких крупных достижений в работах А. А. Шахматова и не была оправдана принципом историзма, на котором зиждется советская текстология последних лет.

В самом деле, принцип целостного изучения рукописной традиции, в которой дошел до нас тот или иной памятник, оказался чрезвычайно важным для советской текстологии с ее стремлением рассматривать историю текста и текстов в тесной связи с историей человеческого общества, видеть в тек-

¹ Даже известное «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» было написано А. А. Шахматовым как исследование, посвященное «Повести временных лет», но сокращено редактором при издании.

² Повесть временных лет, т. 1. Пг., 1916.

³ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. — Вступительная статья к этому изданию сохранилась в нескольких вариантах. Окончательный текст (тот, что напечатан в издании) был компилиативно составлен мною. — Д. Л.

сте не нечто саморазвивающееся по своим внутренним законам, а проявление человеческой воли, человеческого мировоззрения, истории общества в целом.

История текста есть прежде всего история создателей этого текста. Текстология как самостоятельная наука, а не сумма приемов к изданию текста, близка литературоведению, не может обходиться без его выводов, требует всестороннего подхода к тексту. Все эти принципы, к которым постепенно практически приходят советские текстологи, по-новому обосновывают и развивают шахматовский принцип целостного изучения рукописной традиции.

Требование изучать своды как единое целое касается не только летописей. Помимо летописных сводов, создавались своды и других произведений.

Огромное большинство литературных произведений дошло до нас не в самостоятельном виде, а в составе сводов — сложных и иногда очень обширных компиляций, которыми увлекались средневековые книжники. Эти компиляции обычно составлялись по какой-нибудь одной крупной теме и подчинялись определенной концепции. Например, Русский хронограф, Еллинский и Римский летописец, Троицкий хронограф, хронографические палеи были посвящены всемирной истории — библейской вместе с греко-римской и византийской. В составе таких компиляций по всемирной истории дошло до нас много переводных произведений: «Александрия», «Житие Константина и Елены», «Сказание о построении Софии Цареградской», «Сказание о Феофиле» и др. В многочисленных компиляциях по русской истории — летописных сводах — дошло до нас огромное большинство тех литературных памятников, которые мы сейчас изучаем отдельно: многие поучения (как «Поучение Владимира Мономаха), жития (как жития Александра Невского, Дмитрия Донского и мн. др.), исторические повести (их перечисление исчерпало бы список всех исторических повестей до XVI в.), хождения (как «Хождение за три моря» Афанасия Никитина) и т. д. Такими же сводами являются многие патерики, повести одной местности (повести новгородские, муромские и др.), степенные книги, космографии, физиологи, азбуковники и т. д.

Произведения, включенные в состав этих сводов, изменялись в процессе переписки вместе со всем их содержанием.

Современное изучение древнерусских текстов учитывает не только характер бытования текстов в составе сводов, но и в составе сборников. Изменения в изучаемом произведении нередко находят себе соответствие в изменениях, которым подвергаются соседние произведения. Переписчик, переписывая целую группу памятников, изменяет в каком-то определенном направлении все памятники этой группы, вносит и в переписываемые им памятники однородные изменения. Даже ошибки он делает одинаковые. Отсюда ясно, что изучение всего постоянного сопровождения памятника (или, как я его предлагаю называть, «конвоя») позволяет многое понять в его литературной судьбе.

Такая работа по изучению постоянного сопровождения памятника, его «конвоя», по изучению состава сборников, особенно тех, которые отличаются некоторой устойчивостью, только начинается в науке, но она сулит увлекательные перспективы.

Помимо того что произведения древней русской литературы должны изучаться в составе сводов и в составе сборников, необходимо еще учитывать и литературную традицию, взаимовлияние и постоянные заимствования из одного памятника в другой.

Отсутствие в средневековые современных представлений о литературной собственности и о коллективности творчества сказывалось, между прочим, в постоянном стремлении улучшать одно произведение за счет другого.

Благодаря этой особенности мы имеем свидетельства о существовании памятников, не дошедших до нас, или можем составить представление о древнейшем виде памятника, сохранившегося только в поздних списках.

Вот почему в современном советском литературоведении возникает требование учитывать в текстологической работе над древнерусскими памятниками не только все списки памятников, но и все те тексты, в которых изученный памятник в той или иной форме отразился, а иногда и те памятники, под влиянием которых он находился.

*

Если текстология — наука об истории текста произведений, то какое имеет она отношение к изданию текстов?

Издание текста памятника основывается на его текстологическом изучении. Научное издание памятников практически применяет результаты текстологических исследований. При этом издание текста — только одно из многих практических применений изучения текста. Другие применения могут быть в истории литературы, в историческом источниковедении и т. п.

Выигрывает или проигрывает издание памятников от того, что текстология вышла из непосредственного подчинения эдиционной технике, стала самостоятельной дисциплиной? Несомненно, научное издание памятника от этого только выигрывает.

В самом деле, если текстология имеет своею целью только издание памятника и представляет собою только «систему филологических приемов» к изданию произведения¹, является «прикладной филологией»², то тем самым изучение истории текста, независимое от задач издания, отодвигается на второй план и затрудняется. Текстология как «система приемов» подчиняется механическим «правилам игры», вырабатывает одни и те же способы подхода к тексту и т. д. Самостоятельное развитие текстологии оказывается

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. С. 30.

² Там же.

так же затруднено, как было затруднено развитие геометрии, когда она отождествлялась с землемерием.

В том-то и дело, что издание текста должно основываться не на сумме «филологических приемов», позволяющих легко и единообразно препарировать текст для отправки в типографию, а на всестороннем знакомстве с историей текста произведения. Только тогда, когда история текста изучена и работа по этому изучению закончена, издание текста может прийти к объективным выводам — какой текст издавать и какими приемами.

Безрассудное следование одним и тем же приемам при издании совершенно различных по своему характеру текстов — бич современных изданий. Ни один текстологический принцип, ни одно правило не обладают всеобщностью, кроме единственного правила — соблюдать во всем строгую историчность и учитывать историю текста. Нет изданий, которые должны были бы повторяться по своим принципам: все издания «особенны».

Современная советская текстология борется за объективность и стабильность изданий памятников. Объективность и стабильность изданий текстов не могут быть достигнуты только инструкциями и правилами изданий, хотя для каждого конкретного издания эти правила и инструкции совершенно необходимы.

В самом деле, если в решении вопросов истории текста текстолог должен быть свободен от власти трафарета и механических способов исследования, должен быть готов к «особым случаям», то при издании текста, уже изученного, издатель текста, напротив, должен стремиться к единообразию, должен следовать определенным, строгим и простым правилам издания, но эти правила должны основываться на предварительном научном изучении истории текста.

Раз выбрав и установив для своего издания на основе научного изучения истории текста определенные правила, издатель должен не отклоняться от них и не допускать неоговоренных в особых случаях исключений. При этом чем более просты и строги будут эти правила, тем яснее будет взаимоотношение издаваемого текста и текстов рукописных. Правила — это посредники, устанавливающие строгую и последовательную функциональную зависимость издаваемого текста от рукописных. Если этих правил нет — нет и этой зависимости, функция же должна быть единообразной, чтобы она могла быть воспринята читателем. Точность издания — это в первую очередь точность функциональной зависимости издания от научных данных изучения истории текста в рукописях.

Предположения же, что правила и инструкции сами по себе создают стабильность и объективность изданий — глубоко ошибочны. Подлинная объективность и стабильность достигаются только научным исследованием, на котором уже и должны основываться все правила и инструкции, чтобы быть объективными и стабильными. Если же правила и инструкции не основаны на объективных данных научного изучения истории текста, а навязываются сверху требованиями издательств, редакторов и разного рода редак-

ционных комиссий, исходящих из крайне субъективных «общих представлений», то внешнее единство таких изданий очень непрочно. Подобного рода правила и инструкции могут легко меняться. Вот почему превращение текстологии из суммы филологических приемов для издания текста в самостоятельную научную дисциплину, изучающую историю текста, — задача первостепенной важности и для нашей эдиционной практики.

★

Итак, в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы советские текстологи стремятся за внешними особенностями текста отдельных списков найти их историческое (в широком смысле) объяснение. Реальная история текстов — история, понимаемая как история людей, создававших этот текст, а не как имманентное движение списков в их разнотениях, — таково то основное, что привлекает советских текстологов-медиевистов в первую очередь. Один из основных принципов советской текстологии состоит в том, что ни один текстологический факт не может быть использован, пока ему не дано объяснение. Нет текстологических фактов вне их истолкования. С этим связывается и другой принцип: все факты индивидуальны, каждый имеет свое объяснение¹. Наконец, еще один принцип: принцип комплексности изучения текстологических фактов. Важны не только отдельные факты, сколько их сочетания, их система. Разнотения списка — это определенная система, учитываемая и объясняемая текстологом в целом, в первую очередь в связи с сознательной деятельностью книжников. История текста произведений изучается комплексно. Она изучается в составе сводов, сборников, в связи с «конвоем» и литературной традицией. Изменения текста совершаются не изолированно, поэтому многое в истории текста произведения находит себе объяснение в его литературном, рукописном окружении и в общих явлениях истории литературы, истории общества.

Для того чтобы отвечать новым задачам, стоящим перед текстологической наукой, текстолог должен быть языковедом, историком литературы, историком, в известной мере психологом, должен обладать знаниями в области истории общественной мысли, знать во всех деталях эпоху, к которой относится его произведение. Чем большим запасом организованных фактических

¹ Протесты против представления об истории текста как об однообразном наложении различных искажений раздаются и на Западе. Об этом, в частности, пишет А. Дэн: «Tous les cas sont spéciaux» (A. Dain. Les manuscrits. P. 167). Как всегда, своеобразно формулирует ту же мысль и А. Хаузман: «Писцы знали и заботились о наших вкусах не больше, чем больные заботятся о вкусе докторов; они делали ошибки не одного вида, а всех видов, и лекарства также должны быть всех видов» (A. Housman. Manilius. Oxford, 1937. P. LIV).

заний, касающихся эпохи изучаемого произведения, располагает текстолог, тем у него большие возможности для различных догадок в области установления истории текста произведения.

В текстологии имеет первостепенное значение широта комбинационного поля творческого воображения текстолога, сближающего между собой весьма обособленные явления, принадлежащие разным сферам истории человеческой жизни.

В дальнейшем будет ясно, насколько прочно текстология связана с «человековедением» и «человековидением» и какую большую роль играет в ней творческое воображение: способность объединять различные стороны человеческой деятельности для создания цельной реальной картины движения текста произведения.

Итак, текстология изучает историю текста произведения; история текста произведения должна пониматься как создание людей — авторов, редакторов, переписчиков, читателей, заказчиков. В таком виде история текста оказывается связанной с историей общества.

В этом последнем пункте методика изучения истории текста произведений, практиковавшаяся А. А. Шахматовым в применении к летописанию, существенно отличается от текстологической методики советских текстологов-медиевистов. А. А. Шахматов не видел классовых противоречий, не видел в летописцах выразителей определенных социальных идей. Вся история летописания была для него в основном историей сводов, созданных в отдельных государственных и церковных центрах. В дальнейшем на ряде примеров мы увидим, насколько такой подход к истории летописания упрощал и искажал реальную историю текстов.

История текста произведения теснейшим образом связана с историей литературы, с историей общественной мысли, с историей в целом и не может рассматриваться изолированно.